

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка как иностранного
45.03.02 Лингвистика

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой РКИ
_____ Т.К. Веренич
« ____ » _____ 2019 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ
КОНЦЕПТА «ЖАЛОСТЬ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**
(на материале ассоциативного исследования)

Выпускник

Фэн Вэньцзе

Научный руководитель

к.филол.н, доц. кафедры РКИ
Е.В. Беляева

Нормоконтролёр

В.С. Срмикян

Красноярск 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. КОНЦЕПТ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА	6
1.1. Концепт как способ отображения мира в языке	6
1.2. Структура концепта.....	10
1.3. Ассоциация как способ экспликации картины мира его носителей.....	13
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	19
ГЛАВА 2. КОНЦЕПТ «ЖАЛОСТЬ» И ЕГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	21
2.1. Лингвокультурологическое содержание концепта «Жалость»	21
2.1.1. В русском языке.....	21
2.1.2. В китайском языке.....	26
2.2. Концепт «жалость» как объект ассоциативного исследования	34
2.2.1. В русском языке.....	34
2.2.2. В китайском языке.....	42
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	49
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	52
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	54
ПРИЛОЖЕНИЕ А: Дефиниции (по словарям)	60
ПРИЛОЖЕНИЕ Б: Результаты ассоциативного эксперимента.....	61

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы настоящей работы «Лингвокультурологическое содержание концепта «жалость» в русском и китайском языках (на материале ассоциативного исследования)» определяется тем, что в современной лингвистической науке широко представлена проблема сущности концепта. Исследования, посвященные особенностям межкультурного общения, становятся всё более популярными в эпоху интеграции и глобализации. Аксиомой является убеждение, что без осмысления системы «культурных» координат, в которых находится любая народная общность, невозможен полноценный диалог. Большое внимание уделяется лингвокультурологическому направлению, поскольку в настоящее время проблемы изучения культуры, а вместе с ней и языка как одного из важнейших показателей культуры, являются наиболее актуальными.

Как справедливо отмечает А. Вежицкая, любая культура может быть описана посредством ключевых слов, отражающих ядерные ценности [Вежицкая, 2001]. В большинстве работ такие слова признаются именем концепта и рассматриваются сквозь призму определенного образа.

Вопрос о сущности концепта является одной из наиболее дискутируемых проблем. Концепт связывают с понятием: «базовое понятие культуры», «содержание понятия»; со структурой ментального характера: «ментальное образование, сформировавшееся на базе понятийно-ценностного признака и содержащее нормативно-поведенческую составляющую», «многомерное ментальное образование»; с лексической единицей, семантическим полем, а также с образом.

Концепт «жалость» является одним из важнейших концептов русского языка, при этом содержание концепта может неадекватно восприниматься представителями других культур по причине различий в языковой ментальности. С этим связаны возможные трудности при обучении русскому языку как иностранному, препятствующие возникновению диалога культур.

Объект исследования – концепт «жалость» в русском и китайском языках.

Предмет исследования – специфика языковой репрезентации лингвокультурологического содержания концепта «жалость» среди носителей китайского и русского языка.

Цель работы – описать способы репрезентации содержания концепта «жалость» в русском и китайском языках.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

- изучить подходы к определению понятия «концепт» и рассмотреть концепт как способ отображения мира в языке;
- проанализировать структуру концепта;
- выявить значение ассоциации как способа экспликации картины мира его носителей;
- изучить роль лексикографических источников в исследовании концептов;
- описать репрезентацию концепта «жалость» в русском и китайском языках на основе лексикографических источников на трех уровнях: понятийном, образном, ценностном.

Материалом работы послужили словари, а также анкеты участников ассоциативного эксперимента (40 анкет). Теоретическая база исследования представлена трудами отечественных ученых: лингвистов, философов, культурологов и др. В России разработка вопросов языковой и научной картины мира связана, в первую очередь, с работами Ю.Н. Караулова, с тезаурусным изучением лексики. К концу XX в. появилось много исследований, посвященных данной проблематике - работы С.А. Васильева, Г.В. Колшанского, Н.И. Сукаленко, Е.С. Яковлевой, М. Блэка, Д. Хаймса, коллективная монография «Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира» (1988) и др. На современном этапе развития лингвистики большой вклад в разработку этой сферы научного знания внесли фундаментальные

труды Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкой, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия, В.Г. Гака и др.

При проведении исследования использовались следующие **методы**: лингвистический анализ, описательный метод, метод сплошной выборки, анкетирование.

Практическая значимость исследования состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в практике обучения русскому или китайскому языку как иностранному.

Объем и структура работы. Настоящее исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, приложений.

Бакалаврская работа изложена на 62 страницах компьютерного текста, содержит 66 единиц библиографии.

Во введении обосновывается актуальность проблемы, формулируются цели и задачи исследования, определяется актуальность, практическая значимость работы.

В первой главе рассматриваются основные подходы к пониманию концепта в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике, а также роль лексикографических источников в изучении концептов.

Во второй главе анализируются способы репрезентации концепта «жалость» в русском и китайском языке.

В заключении формулируются основные результаты исследования.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

1.1. Концепт как способ отображения мира в языке

Определение понятия «концепт» интерпретируется по-разному, в зависимости от сферы активности человека, в которой он применяется. В лингвистической науке, известны несколько аспектов к подходу понимания, представления и изучения концепта. Так, Маслова В.А. и Прохоров Ю.Е. выделяют три основных подхода, основанных на общем положении [Прохоров, 2008]:

- лингвокогнитивный;
- психолингвистический;
- лингвокультурный.

Лингвокогнитивный подход к исследованию концепта отражен в научных трудах Д.С. Лихачева и Е.С. Кубряковой, которые полагают, что концепт- это результат личного и народного опыта и базового словарного значения слова.

Согласно когнитивной лингвистике, концепт представляется как «отклик на предшествующий языковой опыт человека» [Лихачев, 1997:280], то есть «концепт трактуется как индивидуальный смысл в отличие от коллективного, словарно закрепленного значения» [Карасик, 2004]. Совокупность концептов образует концептосферу отдельного народа и соответственно отдельного языка, что имеет непосредственное отношение к языковой картине мира. Концепт - это многосодержательная оперативная единица памяти, когнитивного лексикона, понятийной системы мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике.

З.Д. Попова и И.А. Стернин развивают лингвокогнитивный подход к определению концепта как «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания» [Карасик, 2004]. Концепты формируются, по мнению цитируемых лингвистов, из

чувственного и ментального опыта и жизнедеятельности человека с другими концептами, которые уже существуют в «ячейках» памяти человека.

Представителями психолингвистического подхода являются А.А. Залевская, В.Я. Мыркин: А.А. Залевская полагает, что концепт – это «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида перцептивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятия и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [Залевская, 2002: 5].

По мнению В.Я. Мыркина, концепт является результатом психической деятельности человека: «Концепт - блок знаний, представляющий собой совокупность конкретно-образных (зрительных, слуховых, вкусовых, тактильных, обонятельных), понятийных (в том числе ценностных), прототипических, гештальтных, фреймовых, сценарных и пр. элементов в психике человека» [Мыркин, 2004].

Лингвокультурологическое представление концепта предложено в работах Ю.С. Степанова, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, В.В. Красных, С.Г. Воркачева. С позиции данного подхода, концепт обладает своей ментальной природой: «Лингвокультурный концепт - условная ментальная единица, используемая в комплексном изучении языка, сознания и культуры» [Карасик, 2004].

Концепт является основной единицей культуры. Ю.С. Степанов характеризует концепт как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека». И, с другой стороны, концепт - это то, с помощью чего рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам проникает в культуру, а в некоторых случаях и воздействует на нее. «Концепт - основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 1997].

Принимая с данной трактовкой концепта, В. Зусман справедливо отмечает взаимосвязь и взаимозависимость концепта и культуры: «концепт-микромодель культуры, а культура - макромодель концепта. Концепт порождает культуру и порождается ею» [Зусман, 2010: 38].

В.И. Карасик выделяет основные характеристики культурного концепта - ценностность, образность и понятийность. «Образная сторона концепта - это зрительные, слуховые тактильные, вкусовые, воспринимаемые обонянием характеристики предметов, событий, отраженных в нашей памяти... Понятийная сторона концепта - это языковая сторона концепта, его обозначение, описание, признаковая структура, дефиниция, сопоставительные характеристики данного концепта по отношению к тому или иному ряду концептов, которые никогда не существуют изолированно.. Ценностная сторона концепта является определяющей для того, чтобы концепт можно было выделить. Совокупность концептов, рассматриваемых в аспекте ценностей, образует ценностную картину мира». [Карасик, 2004].

Автор цитируемых строк указывает на наличие оценочных предикатов, благодаря которым формируются ценностные отношения: «Если о каком - либо феномене носители культуры могут сказать» это хорошо (плохо, интересно, утомительно и т.д.), этот феномен формирует в данной культуре концепт» [Карасик, 2004].

Лингвокультурологический концепт является основной единицей, интегрирующей в себе культуру и язык в их взаимосвязи. Лингвокультурологические концепты – это имена абстрактных понятий, в которых культурная информация прикрепляется к понятийному ядру. Ключевые культурные концепты – это ядерные единицы картины мира, которые обладают экзистенциальной значимостью как для отдельного человека, так и для сообщества в целом (дружба, боль, сила, любовь, право, порядок, смерть, жизнь, болезнь, добро и т.п.) [Тхорик, 2006: 247].

Как справедливо отмечает О. В. Кондрашова, в современных исследованиях лингвокультурные культурные концепты определяются

обычно как многомерные смысловые образования в коллективном сознании, «опредмеченные» в языковой форме [Кондрашова, 1998: 18].

Е. А. Дженкова считает, что культурные концепты опредмечиваются с помощью языка и могут быть объективно изучены с использованием определенных лингвистических приемов: с помощью анализа словарных определений, симиляров и синонимов ключевого слова, ценностно маркированных высказываний (афоризмов, поговорок, пословиц) и индивидуально-авторских расширений содержания концептов с учетом этимологии номинантов концептов, метафорических переносов, данных ассоциативных экспериментов [Дженкова, 2005: 5–6].

Лингвокультурные концепты национальны. Как отмечает В. В. Красных, национальный концепт – это самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью [Красных, 2003: 268].

Модель мира, создаваемая языком, есть субъективный образ объективного мира. Эта модель несет в себе черты человеческого способа миропостижения, то есть антропоцентризма, который пронизывает весь язык. Ю.С. Степанов сравнивает концепты со сгустками национально-культурных смыслов, называет их «ячейками культуры». Изучение их помогает выявить особенности мировосприятия народа, представить концептуальную и национальную картины мира, отраженную в языковой картине.

«Языковая картина мира» — это «взятое во всей совокупности, все концептуальное содержание данного языка». В современной когнитологии существует понятие наивной языковой картины мира, под которой Ю.Д. Апресян, представляет «отраженные в естественном языке способы восприятия и концептуализации мира, когда основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, своего рода коллективную

философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян, 1995: 145].

Итак, изучая понятие «концепт», следует учитывать специфику и особенности его использования в жизнедеятельности человека, в которой интересует не только чувственно-мыслительное осознание концепта индивидом, но и формирование данного феномена под влиянием культурных и общественных процессов в социуме.

1.2. Структура концепта

В современной лингвистике исследование концептов, вербализованных культурных смыслов [Воркачев, 2007], осуществляется в рамках различных подходов и методик, основой для большинства которых является представление о многомерности концептуальной семантики. Ее компоненты обозначаются по-разному: как пласты, слои, сегменты, уровни, признаки и др. В сущности, данные наименования синонимизированы, поскольку служат одной цели - моделированию концептуального содержания.

Достижению этой цели способствует также применение полевого метода, который позволяет представить смысловое пространство концептов в виде центра (ядра) и периферии и установить иерархические отношения между концептуальными признаками и слоями [Стернин, 2001: 58].

Специалисты предлагают несколько вариантов элементов структуры, например, М.В. Пименова под структурой концепта понимает совокупность обобщенных признаков, которые необходимы для идентификации предмета или явления в языковой картине мира [Пименова, 2011: 17].

По мнению Ю.С. Степанова структуру концепта представляют два слоя: этимологический и актуальный слой (Ю.С. Степанов), автор выделил активный слой, которым является основной актуальный признаки пассивный слой, который актуален лишь для отдельных групп носителей культуры.

В.И. Карасик полагает, что концепт является как минимум трехмерным ментальным образованием и имеет три важнейших измерения - образное, понятийное и ценностное [Карасик, 2004].

Очевидно, что к ядру концепта относится его понятийный компонент (само слово «концепт» семантически калькировано с латинского *conceptus*, что означает буквально «понятие»), периферию составляют образные, оценочные, ассоциативные и некоторые другие признаки. Вместе с тем, по мнению ряда исследователей, таких как В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, понятийная основа большинства концептов дополняется, «уплотняется» признаками ценностно-оценочного характера [Карасик, Слышкин, 2001: 75]. Такое дополнение объясняется национально-культурной детерминированностью данных ментальных сущностей, а также релевантностью отражаемого в их содержании явления в ценностной системе человека и социума. Ядерные признаки, как известно, находят свое отражение в дефиниционной части толкования базовых репрезентантов того или иного концепта. При этом следует учитывать, что представление о понятии, фиксируемое словарями современного русского языка, является результатом процесса концептуализации соответствующего предмета. Особенности данного ментального процесса тесно связаны с историей развития языка, в формах и категориях которого отражается национальное мирозерцание [Карасик, 2001: 81].

Концепт в лингвокультурологии отличается от других единиц своей ментальной природой, поскольку именно в сознании человека происходит взаимодействие культуры и языка. Таким образом, специфические свойства лингвокультурного концепта сводятся к следующему:

- концепт в лингвокультурологии является условной ментальной единицей, которая направлена на комплексное исследование языка, культуры, сознания, поскольку именно сознание является местом нахождения концепта, культура выступает в роли ментальной проекции

культурных элементов, а язык – это та сфера, где происходит опредмечивание концепта;

- концепт в лингвокультурологии выделяет ценностный компонент, что отличает его от других ментальных единиц, используемых в различных научных областях (концепт в когнитивистике, фрейм, сценарий и т.д.). Концепт в лингвокультурологии нужен для изучения культуры, а в основе культуры лежит ценностный принцип [Карасик, 2004]. Маркером наличия ценностного компонента отношения служит возможность употребления оценочных описаний, так, если о чем-либо можно сказать, что это «хорошо» или «плохо», то этот феномен может быть назван концептом [Смирнова, 2010: 92];

- концепт в лингвокультурологии может существовать как в индивидуальном, так и в коллективном сознании.

В связи с этим можно говорить о существовании различных видов концептов, которые Ю.С. Степанов называет слоями концепта. Он выделяет (1) «основной признак», «актуальный слой» концепта, в котором «концепт актуально существует для всех пользующихся данным языком (языком данной культуры) как средство их взаимопонимания и общения»; (2) дополнительный, или несколько дополнительных, «пассивных» признаков, являющихся уже неактуальными, «историческими», актуализирующимися «при общении людей лишь некоторых социальных групп»; (3) «буквальный смысл» или «внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатленную во внешней, словесной форме», или этимологический, наиболее удаленный в историю, признак концепта [Степанов, 1997: 41].

В.И. Карасик также включает в состав концепта образный и фактуальный элементы [Карасик, 2004]. Образный элемент является невербальным и поддается только описанию, в то время как фактуальный содержится в сознании в словесной форме и может быть непосредственно воспроизведен в речи.

С.Г. Воркачев среди характеристик концепта отмечает «переживаемость» (концепты должны эмоционально переживаться); семиотическую плотность - «представленность в плане, выраженная целым рядом языковых синонимов; ориентированность на план выражения - «включенность имени концепта в ассоциативные парадигматические и синтагматические связи, сложившиеся в лексической системе языка, в семиотическом «теле» которого этот концепт опредмечивается: «значимость» этого имени и включенность его в ассоциативную сеть «вещных коннотаций» - наличие специфической языковой метафоричности» [Воркачев, 2007].

Этноспецифика концептов проявляется в наличии различий в одноименных концептах в разных культурах, а также в наличии уникальных концептов, характерных только для определенной культуры. Национальная специфика концептов также проявляется в наличии несовпадающих когнитивных признаков, в разной яркости тех или иных когнитивных признаков в этноконцептах, в разной полевой организации одноименных концептов (то, что в сознании одного народа находится в ядре концепта, в другой культуре может располагаться на периферии), в различиях образного компонента, интерпретационного поля, обычно состоящего из прецедентных феноменов (пословиц, поговорок, афоризмов) и т.д.

1.3. Ассоциация как способ экспликации картины мира ее носителей

Развитие темпоральной семы в лексико-семантической структуре лексем тесно связано с эволюцией человеческого сознания. Это позволяет говорить об экспликации временной семы в плане содержания слов не только прямо, но и опосредованно. Подобное явление, однако, не представляет собою хаотичное восприятие действительности. Объяснение такому факту находится в диссипативной характеристике человеческого мышления, которая заключается в том, что восприятие индивидом информации

реального мира происходит через «кодирование» ее в сознании. При этом все разрозненные реалии в процессе их осмысления объединяются в систему.

В процессе коммуникации носители языка могут взаимно затронуть определённые чувственные представления и понятия и, вследствие этого, в памяти каждого коммуниканта способны появиться соответствующие аналоги [Потебня, 1976: 140]. Другими словами, употребление определённого слова влечет за собою появление новых образов и лексико-семантических вариантов, что можно объяснить связями между реалиями. Восприятие индивидуума, таким образом, опираясь на парадигматические и синтагматические законы языка и речи, носит ассоциативный, образный и логический характер [Болотнова, 1994: 6].

В психологии подобные связи между реалиями определяются как ассоциации, а круг ассоциаций, являющихся реакциями на одно и то же слово, называется ассоциативным полем [Соколов, 1956: 25].

Следует, однако, отметить, что всплеск интереса к данному аспекту обусловлен развитием психолингвистических и нейрофизиологических исследований в области лексики в XX веке [Клименко, 1974: 11]. Лингвисты названных смежных с медициной отраслей полагают, что практически любая лексема или отдельная её семема, называемая специалистами «слово-стимул», может вызвать разветвлённый ряд реакций, получивших название «ассоциаты». Их совокупность неизменно будет создавать определенную систему - ассоциативно-семантические поля. Данное образование является структурной единицей лексико-семантической системы, отличающейся определённой спецификой.

Любое поле в рамках лексикологии характеризуется сходной структурой, включающей в себя ядро, центр, периферию и фрагмент, и отражает отношение между лексическими единицами на уровне их взаимных семантических связей. Ассоциативно-семантическое поле - это онтологическое отражение мыслительного процесса, характеристика концептуальной картины мира на уровне обыденного мышления, анализ

механизмов речи, в отличие от остальных лексических образований, построенных на сопоставлении словарных значений слов [Караулов, 1976: 12]. Ассоциативно-семантическое поле, подобно другим видам полей, имеет ядерно-центро-периферийную структуру, однако формируется чаще всего на основе ассоциативного эксперимента, а не словарных дефиниций.

Таким образом, ядро ассоциативно-семантического поля включает в свой состав наиболее частотные реакции, центр - реакции, являющиеся в статистическом плане промежуточными между частотной и периферийными, и периферию, которая складывается из единичных реакций. В соответствии с таким распределением языкового материала ассоциативно-семантического поля может классифицироваться как индивидуальное или коллективное. Последнее нередко номинируется в лингвистической литературе как «ассоциативная норма», однако трактовка этого термина не является однозначной: с одной стороны, это понятие рассматривают как лингвистическое явление [Болотнова, 1994: 13], с другой - исключительно в медицинском или психологическом смысле, но никак не в литературно-языковом [Караулов, 1993: 30].

Оба взгляда на данный термин являются правомерными и находят отражение в природе ассоциативной нормы: ассоциации - порождение мира психических явлений, находящее репрезентацию в вербалике, а, следовательно, ассоциации можно рассматривать как пограничное явление в психолингвистике. Реакции на слово-стимул опираются на семиотическую, в том числе и языковую систему, что позволяет говорить о различных видах ассоциаций [Болотнова, 1994: 13].

Референтные ассоциации - это ассоциации экстралингвистической направленности, отражающие узуально закреплённую языковым сознанием коммуниканта и способную актуализироваться в тексте возможность лексем соотноситься с определёнными реалиями окружающего мира. Референтные включают в себя также тематические и ситуативные ассоциации, имеющие в

сознании информантов привязку к определённой ситуации, фрагменту действительности.

Когнитивные ассоциации возникают на логической основе в рамках гиперо-гипонимических или соотносительных парадигм. Когнитивные ассоциации, в отличие от референтных, не вызывают в сознании конкретный визуально-чувственный образ, а опираются на общность информационного тезауруса коммуникантов, включают в себя коллективные знания носителей языка, коннотативную сему. Другой разновидностью когнитивных ассоциаций можно назвать культурологические ассоциации, построенные на основе прецедентных знаний.

Языковые ассоциации основаны на знании информантами языковой системы, парадигматических и синтагматических законов. Они дифференцируются на стандартные (типовые) и нестандартные (уникальные, маловероятные). Стандартные отличаются частотностью, закреплены в узусе, в языковом сознании носителей языка и характеризуются регулярностью. В их числе выделяют антонимические, синонимические, гиперогипонимические, словообразовательно-морфологические и лексико-семантические, основанные на метафоризации полисемантических лексем. Уникальные ассоциации отражают индивидуально-авторское мировосприятие, не закреплены в узусе и в сознании носителей языка, они не типичны и не регулярны, чаще всего обусловлены ассоциативными связями творческой языковой личности, поэтому характерны прежде всего для художественной литературы.

Ассоциативный эксперимент, в котором стимулом является слово, позволяющее обратиться к языковому сознанию информантов, открывает возможность выйти и на уровень исторической памяти, коллективного бессознательного, и на уровень локальной/индивидуальной интерпретации, порой независимо от особенностей субъекта, личностных интересов и т.д. Ассоциативные реакции, возникающие в сознании конкретного информанта, систематизируются в коллективное ассоциативно-семантическое поле,

дающее, в свою очередь, представление, о механизме смыслоформирования, создания картины мира, образных представлений, в том числе с национальной спецификой.

Прямое экспериментальное лингвокогнитивное описание концепта, при котором для определения структуры ядра концептов проводится свободный ассоциативный эксперимент, направленный на выявление различий ощущения, восприятия, представления, а также понятия предлагаемого слова-стимула позволяет выявить ядро и периферию концепта. Информант должен отвечать на определенный набор слов-стимулов как можно быстрее любым пришедшим ему в голову словом или несколькими словами.

При определении архитектоники ядра концепта с использованием методик ассоциативного эксперимента могут быть учтены несколько реакций, предложенных респондентами, поскольку для выявления и описания содержания концепта важны любые психологически осознаваемые ментальные информационные компоненты, образующиеся в сознании испытуемых в том или ином ментальном образовании, - как непосредственно осознаваемые в ходе эксперимента, так и выводимые путем рефлексии из содержания концепта. Свободный ассоциативный эксперимент служит практическим подтверждением «послойного» строения концепта и может являться достаточно эффективным методом исследования структуры различных концептов в когнитивной лингвистике [Белянин, 2009].

Представляется, что базовое стереотипное ядро знаний, или когнитивная база этноса, действительно существует, но выделяется из индивидуальных концептосфер как некоторая их часть, в равной мере присвоенная всеми членами лингвокультурного сообщества.

К сравнительно-сопоставительному анализу ассоциаций в национальной картине мира, проведённому на основе лексико-фразеологического материала, лингвисты обращались не раз, объясняя это важностью сопоставления ресурсов неродственных/родственных языков

[Мед, 2008:201] или выявлением различий между восприятием мира носителей различных лингвокультур с целью определения точек соприкосновения, которые могут обеспечить успешную межкультурную коммуникацию и процесс перевода [Дебрэнн, 2008: 78].

Психолингвистические словари подобного типа высоко оцениваются в современном языкознании, называясь источником уникальной экстралингвистической и лингвистической информации [Рудакова, 2015: 138]. По словам одного из авторов «Французского ассоциативного словаря» М. Дебрэнн, российская лингвистическая парадигма включает в себя наиболее приемлемый понятийный аппарат, помогающий проанализировать национальное языковое сознание, концептуальную и языковую картину мира, что даёт возможность, используя метатеоретический анализ и экспериментальные процедуры, вскрыть и зафиксировать знания, вступающие в ассоциативную связь с языковыми и неязыковыми знаками [Дебрэнн, 2008: 78].

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. Изучая понятие «концепт», следует учитывать специфику и особенности его использования в жизнедеятельности человека, в которой интересует не только чувственно-мыслительное осознание концепта индивидом, но и формирование данного феномена под влиянием культурных и общественных процессов в социуме.

2. Концепт – неоднородное образование со сложной структурой, которая выражается различными группами признаков, реализуемых разными языковыми средствами и способами.

3. Концепт отличается от понятия, в первую очередь, тем, что понятие означает идеальное объективное качество, в котором выражается единство отдельных свойств предмета и которое связано со значимыми знаковыми системами языка. При этом функция понятия связана с мыслетворчеством, а не с общением, а во вторую очередь, тем, что концепт - это перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, в то время как понятие - продукт научного описания.

4. Культурологический подход к концепту выражается в определении концепта Ю. С. Степанова: концепт - это сгусток культуры в языковом сознании человека. Концепты это то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее.

5. Лингвокультурологические концепты – это имена абстрактных понятий, в которых культурная информация прикрепляется к понятийному ядру. Ключевые культурные концепты – это ядерные единицы картины мира, которые обладают экзистенциальной значимостью как для отдельного человека, так и для сообщества в целом (дружба, боль, сила, любовь, право, порядок, смерть, жизнь, болезнь, добро и т.п.). Лингвокультурный концепт – это культурно отмеченный вербализованный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых объективаций, которые образуют соответствующую лексико-семантическую парадигму.

6. Концепт в рамках лингвокультурологии отличается от других мыслительных единиц, используемых в различных научных дисциплинах, акцентуацией ценностного слоя. Центром концепта всегда является его ценность, поскольку концепт служит исследованию культуры, а в основе культуры лежит именно принцип ценности.

7. Как мыслительное образование в сознании человека концепт тесно связан с концептосферой общества, а значит, с культурой народа. Таким образом, концепт выступает в роли единицы культуры, которая способна фиксировать групповой опыт, делая его достоянием отдельно взятого человека.

8. Ключевые концепты национальной культуры играют важную роль в коллективном языковом сознании, поэтому их изучение является актуальной проблемой. Особый интерес для лингвокультурологии представляет попытка выделить этнокультурную составляющую культурного концепта.

9. На разных этапах анализа концепта необходимы различные виды лексикографических источников. Так, на этапе анализа понятийного слоя концепта необходимо обращаться к толковым, этимологическим, словообразовательным словарям, словарям синонимов и антонимов. В этих словарях отражается логический строй сознания, языковое описание концепта, основанное на логике. Образный слой концепта рассматривается с помощью словарей, в них отражаются психологические особенности национального восприятия, данные в образах. Ценностный слой – с помощью словарей ассоциаций, тезаурусов. В них представлены символы языка, выраженные в культурных ассоциациях и позволяющие увидеть, какие ценности скрываются за словом-концептом.

10. Словари лингвокультурных концептов являются одним из наиболее информативных видов лексикографических источников в процессе концептуального анализа.

ГЛАВА 2. КОНЦЕПТ «ЖАЛОСТЬ» И ЕГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

2.1. Лингвокультурологическое содержание концепта «Жалость»

2.1.1. В русском языке

Понятие «жалость» - многомерное явление в русской культуре, которое включает в себя философские, психологические, этнокультурные, лингвистические слои. Его семантика содержит в себе наряду с собственно эмоциональными признаками, отражающими психическую сущность данного явления, морально-ценностные признаки, связанные с его нравственной оценкой. По данным «Этимологического словаря русского языка» О.Н. Трубачева, жалость - это древнее (общеславянское) слово вошло в словарный арсенал многих славянских языков. Образовано оно от прилагательного «жалъ». Устаревшее «жалъ» имело значения «печальный», «жалобный, вызывающий сострадание». Значение сострадания сохранилось и в существительном *жалость*, и в глаголе *жалеть*.

Концепт «*жалость*» по своей предметной отнесенности принадлежит к эмоциональной концептосфере, которая, в свою очередь, образует один из ключевых фрагментов культуры и языка. Содержание данной ментальной единицы формируется универсальными и культурноспецифическими представлениями о соответствующей эмоции. Первые отражают базовые, прототипические, смыслы концепта, вторые составляют его этнокультурную модель. Совокупность универсальных признаков определенного концепта служит для исследователя своеобразным нейтральным фоном, в сопоставлении с которым выявляются национально маркированные концептуальные признаки.

Исследованию подвергаются контексты слов «*жалость*», имя концепта, и «*жалеть*», основной репрезентант-предикат, а также

синонимика (сострадание, сочувствие, милосердие и др.), смежные этические понятия (добро, благожелательность, справедливость и др.) и косвенные описания.

Базовой единицей, вербализующей изучаемый концепт в русском языке, является его имя - абстрактное существительное *жалость*. Компоненты его семантики наиболее полно и адекватно передают ядерные концептуальные смыслы. Поэтому существительное *жалость* оказывается в центре исследовательского внимания и подвергается детальному описанию в синхронно-диахронической плоскости.

В русской культуре наблюдается противоречивость установок, определяющих оценку жалости. С одной стороны, актуализацию получают признаки, связанные с положительной моральной оценкой жалости как одной из высших нравственных ценностей, как чувство, очень близкое к любви и совсем не обидное: Иногда встречается на свете большое и сильное чувство. К нему всегда примешивается жалость. Предмет нашего обожания тем более кажется нам жертвою, чем более мы любим (Б. Пастернак. Доктор Живаго). У Достоевского князь Мышкин говорит: Я ведь тебе уж и прежде растолковал, что я ее не любовью люблю, а жалостью. С другой, - ее отрицательная оценка определяет такие признаки, как «исполненная чувством недоброжелательства» (едкая, колючая) и «выражающая превосходство, покровительственное отношение» (снисходительная, высокомерная) [Мельников, 2011]. Герои Тургенева, Гончарова, Толстого говорят о том, что жалость их обижает, убивает, раздражает. В советское время, в связи с насаждавшимся официальной идеологией культом силы, сильной личности, само слово жалость стало устойчиво ассоциироваться с чем-то унижительным: «Жалость унижает человека!» (М. Горький) [Левонтина, 2018].

В ряде этико-философских работ подчеркивается тесная связь жалости и любви: «Милосердие - высший вид любви» [Льюис, 1992], «В жалости всегда есть примесь любви или нежности...» [Юм, 1965], «Жалость есть вид

печали, смешанный с любовью или с доброжелательностью к тем, кто переживает какое-нибудь незаслуженное горе» [Декарт, 1962].

Тесная взаимосвязь любви и жалости ярко отражены в народной речи. В «Словаре русских народных говоров» первым значением у слова жалость является «любовь; расположение» (К детям у его жалости мало). Н.С. Лесков в «Письмах. К.А. Гриве 5 декабря 1888 г.» писал: «В Орловской и Тульской губернии крестьяне говорят удивительно образно и метко. Так, например, баба не говорит о муже: «Он меня любит», а говорит о муже: «Он меня жалеет». Вдумайтесь, и вы увидите, - как это полно, нежно, точно и ясно».

Следует отметить, что смежность любви и жалости делает возможным осознание последней в русской культуре как одной из высших нравственных ценностей. Жалость в представлении диалектоносителей включает в себя широкое понимание любви, которая находит свое отражение в сострадании, расположении, заботе, уважении и т.д.

Появление слова жалость как обозначения особого понятия «жалость», выделенного из целостного потока душевных состояний человека, связано с переходом к христианству. Языковым носителем этого сложного понятия в древнейших славянских переводах оказывается слово милость, исходное значение которого этимологи определяют как «доброжелательность, доброе отношение к близкому». Многообразие значений греческих переводных соответствий старо-славянском «милость» наглядно свидетельствует о том, что между дохристианским и сложным христианским понятием легко устанавливаются «семантические мосты».

Что касается семантической структуры славянских продолжений слова «милость», то в современных языках у данного слова обнаруживается относительно однородная совокупность значений, которую, отвлекаясь от некоторых частных, можно представить следующим образом [Толстая, 2012: 268]:

1. *«милость», «снисхождение, благосклонное отношение к низшестоящему»,*

2. «сострадание»,

3. «доброе дело».

Жалость в философских работах рассматривается главным образом в свете этической проблематики, в сопоставлении с такими понятиями, как мораль, добро и зло, благо и благожелательность, любовь, ценность и др. [Красовский, 2008: 55].

Подобный ракурс изучения закономерен, поскольку семантика жалости содержит в себе наряду с собственно эмоциональными признаками, отражающими психическую сущность данного явления, морально-ценностные признаки, связанные с его нравственной оценкой.

Жалость, или сострадание, является нравственным переживанием человека [Карасик, 2004: 289], в котором выражается его этическое отношение к другим людям. Такое отношение имеет нормативный характер и базируется на благожелательности, побуждающей человека стремиться к благу других людей.

Вероятно, антиподом благожелательности является эгоизм, содержание которого определяется исключительно установкой благо для себя. Целью такой установки является достижение эгоистической удовлетворенности. Благожелательность и жалость, напротив, не имеют корыстных мотивов, они несовместимы с эгоистической удовлетворенностью: *«...всякое серьезное чувство сожаления о чужом страдании, нравственном или физическом, тяжело для испытывающего это чувство и, следовательно, противно его эгоизму, что видно уже из того, что искренняя скорбь о других смущает нашу личную радость, омрачает наше веселие, то есть оказывается несовместимой с состоянием эгоистической удовлетворенности»* [Этика: энциклопедический словарь, 2001]. Таким образом, в ситуации жалости положительная направленность определяется бескорыстным сопереживанием страдающему.

По мнению В. С. Соловьева, жалость следует рассматривать как основание нравственности, точнее ее альтруистического начала, в силу того,

что переживание человеком данной эмоции побуждает его к деятельному добру с целью «избавить другое существо от страдания или помочь ему». Обобщение же таких альтруистических поступков образует нравственное правило или принцип. В.С. Соловьевым подчеркивается также, что жалость является активным состоянием, сущность которого определяется единством индивидуальных переживаний и должных социальных отношений Этика: энциклопедический словарь [Соловьев, 1990].

Вместе с тем сценарное представление жалости, описанное в работе В. С. Соловьева, включает в себя такие этапы рациональной оценки, как признание страдающего однородным себе и приравнивание его состояния к собственному: *«Видя страдающего существо, я вовсе не отождествляю, не смешиваю его с собою, а только становлюсь в воображении на его место и, признавая его однородность с собою, приравниваю его состояния к своим собственным, как говорится «вхожу в положение».* Следовательно, делает вывод Соловьев, *«мыслимое содержание (идея) жалости, или сострадания, взятая в своей всеобщности и независимо от субъективных душевных состояний, в которых она проявляется (то есть взятая логически, а не психологически), есть правда и справедливость».*

Результатом оценки является чувство жалости как знание того, что испытывает страдающий. Прототипически тот, кто жалеет, испытывает чувство душевной боли, горечи, печали, то есть чувства, которые сводятся к родовому понятию неудовольствия. Признаки, связанные с состоянием неудовольствия, безусловно, находят свое выражение в семантике жалости. К ним можно отнести такие, как тяжелая переносимость данного переживания и его высокая интенсивность. Так, например, жалость определяется как *«невыносимая», «жгучее и острое ощущение», состояние, которое «захватывает все человеческое существо»* [Соловьев, 1990]; *«напряженное чувство».* Авторы, трактуя жалость в христианском контексте как *«разделение богооставленности твари, соединение с нею в этой богооставленности»,* считает, что готовность разделить такую

богооставленность должна распространяться на все живые существа, в том числе и на животных [Соловьев, 1990]. По мнению Соловьева, истинная сущность жалости есть «признание за другим собственного (ему принадлежащего) значения - права на существование и возможное благополучие». Право на существование, в основе которого лежит признание однородности страдающего себе, обобщается Соловьевым до идеи правды, а право на возможное благополучие, реализация которого связана с совершением действий со стороны жалеющего, направленных на улучшения положения страдающего, трактуется как идея справедливости.

2.1.2. В китайском языке

Культура, обычаи и традиция народов мира в процессе своего развития подвергаются изменениям. Эти изменения зависят от двух условий [Бийгелдиева, 2016]: во-первых, утрачивая первоначальное содержание, устойчиво сохраняют внешнюю форму; во-вторых, применяются в нравственных и социальных целях.

В китайском языке имеет место категория 仁 *жэнь* (устоявшиеся варианты перевода – «жалость», «человечность», «человеколюбие», «гуманность») принадлежит к числу наиболее философски значимых в истории китайской мысли и культуры в целом и которое максимально соответствует понятие «жалость». Категория 仁 *жэнь* неоднократно становилась предметом внимания как китайских, так и российских и западных исследователей. Более того, разнообразные интерпретации *жэнь* давно стали неременным атрибутом «школьного» изложения конфуцианства в разноязычных учебниках по философии, этике, истории культуры. Однако несмотря на столь высокий историко-философский статус категории 仁 *жэнь*, историографическая ситуация вокруг неё пока не даёт оснований пребывать в уверенности относительно её смысла. Существующую в историографии китайской философии проблему 仁 *жэнь*

со всей остротой сформулировал в своё время А.С. Мартынов: «Удручающая полисемия термина «гуманность» в учении луского мудреца стала в синологии уже достаточно признанным фактом. Признано также и то, что, по всей вероятности, эта полисемия мнимая и вызвана не неупорядоченностью конфуцианского учения, которое, как на то не переставал указывать его создатель, все пронизано «единым», а неадекватностью нашего подхода» [Мартынов, 2006: 133–134].

1) Первое, что бросается в глаза при знакомстве с интерпретациями 仁 жэнь историков философии в самом Китае – это потрясающее разночтение аналитических схем при общей стандартной незыблемости самого аналитического подхода. Под аналитическим подходом к 仁 жэнь подразумевают подход, в прокрустово ложе которого неизбежно вытесняется исследователь под давлением полисемантической 仁 жэнь в древнекитайских текстах, в первую очередь – в «Лунь юе». Состояние источников таково, что контекстуальный анализ не позволяет выделить в 仁 жэнь общее смысловое ядро, оперируя лишь текстом как таковым. И поэтому исследователь приходит к идее плюральности таких «ядер».

Происходит аналитическое расщепление единой категории, в ходе которого выделяются различные её смысловые оттенки, согласование и упорядочивание которых друг с другом отдаётся на откуп собственной мысли автора. Современные китайские интерпретации 仁 жэнь представляют собой всё большую дивергенцию семантики категории. По этому пути следуют, например, Ду Ганцзянь, выделяющий «четыре пути» на основании 仁 жэнь, Чжан И, выделяющий в 仁 жэнь четыре аспекта (сыновней почтительности, становления личности, познания людей и управления государством), Чжан Юань и Чжан Хуэй («Ещё раз о многомерности понятия 仁 жэнь у Конфуция»), И Юнцин «Двухуровневая структура учения о 仁 жэнь у Конфуция») и др. [Кобзева, 2014: 176]

В отечественной синологии этого же методологического пути придерживаются авторы двух наиболее детальных исследований 仁 жэнь – А.М. Карапетьянц и А.С. Мартынов, выделяя в 仁 жэнь по три аспекта [Карапетьянц, 1982: 11–35].

Нет единства и в понимании онтологического статуса категории. 仁 жэнь (жалость), безусловно, относится у Конфуция к природе конкретного индивида. Если, скажем, благодать 德 дэ или добро 善 шань присутствуют в мире объективно, 仁 жэнь как таковая, в отрыве от конкретной личности, не существует. Соответственно, обнаруживается двувекторность поиска смысла этой категории. При всём разнообразии интерпретаций природа 仁 жэнь в этом отношении понимается двояко:

а) 仁 жэнь – это категория, призванная обозначить какой-то реально существующий духовный феномен, экзистенциальное состояние или переживание конкретного индивида (например, подобно совести);

б) 仁 жэнь – это категория оценочного плана, служащая для внешней фиксации некоторого духовного состояния опять же конкретного индивида (например, подобно порядочности).

На интерпретациях второго рода явно отразилась специфика источника. Текст «Лунь юя», в котором Конфуций ничтоже сумняшеся одних людей смело награждает качеством сострадания 仁 жэнь, другим же тактично в этом отказывает (под маркой «незнания») [Кобзев, 2006:262] как бы сам диктует интерпретатору именно второй вариант [Кобзев, 1994: 127–128].

Рассмотрим генезис смысла категории 仁 жэнь при её появлении в семантическом поле китайской философии. По всей видимости, первым, кто обратил внимание на странную ситуацию вокруг употребления 仁 жэнь в классических текстах, был цинский историограф Жуань Юань (1764-1849). В своём сборнике трудов «Янь цзин ши цзи», он, в частности, сообщает: «Знак

仁 не встречается ни в [разделах «Шан шу» (尚書)] «Юй шу», «Ся шу» и «Шан шу» (商書), ни в одном из трёх разделов «Чжоуских гимнов» «Ши цзина», ни в комментариях к «Книге перемен». Похоже, в начале эпохи Чжоу это слово существовало, но иероглифа для него всё ещё не было». Далее он разъясняет свою точку зрения: «В эпохи Ся и Шан знака 仁 не существовало, а в «Юй шу» его значение вобрали в себя знаки 德 дэ и 惠 хуэй... Он становится известен лишь чжоусцам и берёт своё начало из необходимости создать знак для выражения фразеологизма 相人偶 сян жэнь оу [два человека – пара; близкие, подходящие друг другу люди]... Знак 仁 вошёл в употребление уже после времени Чэн-вана и Кан-вана».

В настоящее время известно, что в лексиконе инь-чжоуской эпиграфики, как в *цзягувэнь*, так и в *цзиньвэнь*, знак 仁 отсутствует.

В «Ши цзине» 仁 жэнь встречается лишь дважды, и оба раза – в «Го фэне», наиболее позднем из разделов канона, причём оба раза – в совершенно неподобающем контексте – в описании внешности охотников, и, более того, оба раза – в составе синтагмы 美且仁 мэй цзе жэнь «прекрасен и человечен». В последнем случае синтагма 美且仁 включена в первую строфу стиха «Лу лин». Во второй и третьей строфах того же стиха позицию 仁 жэнь занимают соответственно слова 鬣 цюань «курчавый» и 鬣 偲 «бородатый» (значение «талантливый» маловероятно). Ни тот ни другой знак во всём «Ши цзине» более не встречаются. Более того, они отсутствуют и в конкордансе текстов *цзиньвэнь* Жун Гэна, и во всём «Шан шу». Первый знак впоследствии становится крайним раритетом, а второй же приобретает популярность, но только лишь в послеханьское время. Единственный доханьский памятник, в котором он фиксируется – это «Лунь юй». С одной стороны, эти факты, хоть и косвенно, но всё же могут рассматриваться как свидетельство в пользу позднего происхождения «Лу лина». Но с другой стороны, в надписях на бронзе встречается куда более уместный в данном контексте знак 佃 дянь с

широким значением «человек в поле», что вполне может означать и «бравый охотник» (знак 田 *тянь* выражал глагольное значение «охотиться» ещё со времён иньской эпиграфики). Но, главное, в обоих стихах 仁 *жэнь* является единственной этической характеристикой описываемых персонажей, остальные же эпитеты относятся только к внешности. Это может означать, что знак 仁 либо:

а) угодил в эти «комплекты» эпитетов в результате ошибки вместо какого-то другого знака, либо, что, более вероятно,

б) был использован для выражения какого-то иного, неизвестного нам значения, сильно отличающегося от конфуцианского.

Жуань Юань дважды подчёркнуто заявлял: в шанских главах знак 仁 не встречается, в то время как относительно явного факта присутствия знака в считающихся шанскими главах «Чжун Хуэй чжигао» и «Тай цзяся» ограничился примечанием, что это – главы «Гувэнь Шан шу».

В самом деле, примечательно, что в шанских главах слова о человечности, жалости и сострадании вложены в уста Чжун Хуэя и И Иня – двух канцлеров Чэн Тана. Миф о необыкновенном благочестии основателя династии Шан и его приближённых не мог появиться раньше времени формирования исторической схемы династийного цикла, что, как убедительно показал В.М. Крюков, произошло не ранее VIII-VII вв. до н.э. [Крюков, 2000: 360–361, 369]. Гэ Жунцзинь, посвятивший категории 仁 *жэнь* целую главу в своей книге, при рассмотрении вопроса о доконфуцианском существовании категории, ссылается также на sporadическое употребление 仁 *жэнь* в «Го юе» и «Цзо чжуани» [Гэ Жунцзинь, 2001: 698–699], однако эти тексты датируются уже постконфуцианским временем и, следовательно, не могут быть привлечены в качестве источников, фиксирующих раннее происхождение интересующей нас категории.

Итак, поиск следов понятия 仁 *жэнь* до Конфуция показывает отсутствие концепта «жалость». С возникновением философия Конфуция

происходит ослепительный взлёт категории 仁 жэнь. В одном только «Луньюе» 仁 жэнь встречается 109 раз (таблица 1).

Таблица 1. Употребление понятия 仁 жэнь в древнекитайских письменных источниках

	Доконфуцианские источники				«Луньюе»
	Цзягувэни	Цзиньвэни (до VI в. до н.э.)	«Ши цзин»	«Цзиньвэньшан шу»	
Число случаев употребления знака 仁 жэнь	-	-	2	1	109
То же на тысячу иероглифов	-	-	0,05	0,055	6,85

А.И. Кобзев в посвящённой 仁 жэнь энциклопедической статье высказывает точку зрения на указанную проблему: «Хотя иероглиф жэнь в значении «добродетель правителя к подданным» присутствует в современных текстах канонизированной конфуцианцами доконфуцианской классики («Ши цзин», «Ши цзин»), возможно, он был не только терминологизирован, но и искусственно создан Конфуцием (6-5 вв.), а затем включён в указанные тексты» [Кобзев, 2014: 176].

Категория 仁 жэнь является плодом внутренней рефлексии одного человека, и этот человек переживал в своём собственном «жизненном мире» нечто, что нашло своё выражение в данной категории. Конфуций пробовал других людей на жалостливость и человечность силой своей собственной внутренней человечности. Всё то, что говорит Конфуций о людях, есть скрытое повествование о нём самом. Это и есть мироощущение философа и способ философского творчества. Соответственно, 仁 жэнь может быть смело названа концептом, «созданным» (в духе Делёза и Гватарри) Конфуцием и зафиксировавшим специфику собственного мироощущения его творца. 仁 жэнь несёт в себе черты, общие с целым рядом известных в мировой философии концептов, а именно:

- 1) это неологизм,

2) фиксирующий определённый философский (в данном случае, как мы предполагаем, экзистенциальный) опыт.

Итак, категория 仁 *жэнь* возникла из необходимости обозначения некоего открытого Конфуцием феномена и обозначалась иероглифом, состоящим из графем «личность» и «сердце» («上身下心»). Последний относит 仁 *жэнь* к обширной категории появившихся в чжоускую эпоху знаков, фиксирующих феномены «внутренне» переживаемого человеком. Причём феномен этот имел для философии Конфуция чрезвычайно важное, практически решающее значение [Юркевич, 1994:503].

Полагаем, что 仁 *жэнь* имеет экзистенциальную природу: она есть экзистенциал. Иными словами, 仁 *жэнь* – это не то, чем может быть охарактеризована, а то, чем живёт личность, принадлежащая к определённой категории людей, то, что составляет существенное содержание её «жизненного мира» (в гуссерлевском понимании этого концепта). 仁 *жэнь* призвана охарактеризовать, чем живёт 心 *синь* «сердце» (т.е. сознание), или, что живёт в этом сердце, что для феноменологического дискурса есть одно и то же. Подчёркивая экзистенциальный характер 仁 *жэнь*, важно отметить, что здесь мы имеем дело с «внутренней» экзистенциальной, но не с «внешней» этической или психологической характеристикой (наподобие *доброты* или *порядочности*).

Человек, который испытывает «жалость» не есть добрый человек. Добрый человек может совершать поступки, заслуживающие название злых, порядочный – заслуживающие название непорядочных. Но «человек, испытывающий жалость» 仁者 *жэнь-чжэ* не способен при прочих равных условиях совершать «бесчеловечные» (不仁 *бу жэнь*) поступки без существенной деформации своего «жизненного мира», даже если эти поступки характеризуются как злые: не способен, поскольку он есть человек, в которого «жалость» инкорпорирована, «вшита». 仁 *жэнь* имеет глубинные

антропологические основы: через полтора столетия после Конфуция Мэн-цзы и Гао-цзы сходились в том, что «仁 жэнь есть нечто внутреннее» (仁內也 жэнь нэй е). 仁者 жэнь-чжэ не прекращает следовать 仁 жэнь, даже живя с варварами (коим по умолчанию жалость не свойственна) и, более того, даже оставшись в полном одиночестве. 仁 жэнь располагается в поле феноменологической intersубъективности, а именно в самом её ядре («психофизической структуре», по Гуссерлю), и смысл этой категории может и должен быть раскрыт при помощи феноменологической методологии.

Жизненный мир самого Конфуция был пронизан 仁 жэнь как экзистенциалом, способом его собственного существования в мире. Именно его собственная 仁 жэнь искала отклик в других. Открыть (и философски концептуализировать) в другом то, чем ты не обладаешь сам, феноменологически невозможно. 仁 жэнь стала концептом в первую очередь потому, что структурировала собой жизненный мир этого человека и лишь в силу этого – всю его философию.

В «Лунь юе» Конфуций даёт массу характеристик 仁 жэнь, в том числе минимум четыре характеристики, напоминающие определения. Каждое из них проливает свет на смысл категории, однако высвеченное во всех этих случаях скорее представляет собой дескрипцию того или иного эпифеномена 仁 жэнь, но никак не указание на её сущность. Синтез этих «определений» даёт нам самую поверхностную картину и выталкивает исследователя на путь аналитического расщепления единого понятия, что и наблюдается в посвящённой 仁 жэнь литературе.

Мы полагаем, что суть 仁 жэнь может быть прояснена при рассмотрении «живого примера», личности того, кто является, с точки зрения Конфуция, настоящим 仁者 жэнь-чжэ. Отказывая в обладании 仁 жэнь даже самым близким и самым верным ученикам, Конфуций, тем не менее, встречает в жизни пример «самого человеческого человека». Термином 仁

жэнь Конфуций обозначил свойственную отдельным личностям (и, в первую очередь, ему самому) способность к повышенной эмпатии, являющейся следствием сильной экстравертной связи с любыми окружающими нас людьми, то экзистенциальное содержание, которое достаточно тонко фиксируется современным русским языком в слове *чуткость*. Как заметил В.В. Малявин: «Правда Конфуция – в прозрении человеком своего соприсутствия, своей событийственности с другими людьми» [Малявин, 2010: 182].

Анализируя 仁 *жэнь* у Конфуция, необходимо привести его слова: «Человеком, испытывающим жалость (仁者 *жэнь-чжэ*) является тот человек, чья природа непредумышленно являет (流露 *лю-лу*) истинную жизнь в полном соответствии с ритуалом (禮 *ли*), а также тот человек, который имеет сердце, способное вжиться в другого человека (同情心 *тун цин синь*) и поставить себя на место этого другого (推己及人 *туй цзи цзи жэнь*)». Оба этих выражения носят в китайском языке характер фразеологизмов.

2.2. Концепт «жалость» как объект ассоциативного исследования

2.2.1. В русском языке

Далее рассмотрим семантическое развитие ядерной части концепта жалость на материале словарей русского языка. Исследование проводится с ориентацией на периодизацию русского языка, предложенную В.В. Колесовым, согласно которой выделяются следующие этапы:

- древнерусский, с середины X в. до конца XIII в.;
- старорусский, с XIV в. до XVI в.;
- собственно великорусский (новорусский) язык, с XVII в.

Данная периодизация учитывает языковые, государственно-политические, религиозные, идеологические и некоторые другие признаки. Ведущим же признается различие между типами ментальности, которое

«проявлялось в развитии глубинно концептуальных категорий национального сознания» [Колесов, 2005: 15].

В древнерусский период, представление о жалости, определяется, с одной стороны, семантикой горя, печали, с другой - идеей «объектности».

Семы, отражающие состояние печали, скорби, присутствуют в дефиниции «жалость» и представлено в Приложении А.

Думается, что осмысление жалости как горестного, печального состояния базируется на обобщении психофизиологических признаков, характерных для переживания данной эмоции. Отметим интегральный признак, который определяет смысловое сближение представлений о жалости и горе в русском сознании. На наш взгляд, таковой является сема, отражающая неудовольствие, переживание которого как одного из признаков жалости получало в древнерусском языке, по-видимому, различные формы концептуализации. С одной стороны, оно могло обобщаться до значения горя, печали, обуславливая в целом семантику огорчения, с другой - могло являться своего рода каузатором, определявшим проявления жалости в виде участия в страданиях другого (ср. жалость - «печаль, горе, грусть» и «со-страдание» [Словарь русского языка, 1978]). Кроме того, сему неудовольствия можно видеть в значениях, связанных с выражением недовольства. Например: жаловати - «*жаловаться, негодовать по поводу чего-л. // роптать на что-л.*», жалоба - «*жалоба, упрек, порицание*».

Другой фактор, который определил развитие понятийного ядра концепта «жалость» в древнерусский период, мы условно обозначили как идея «объектности», имея в виду то, что в концептуальном содержании и, соответственно, в языковой семантике отразилась межличностная природа жалости. Субъектно-объектные отношения, характерные для ситуации данной эмоции, на концептуальном уровне оформились по преимуществу в виде понятийных признаков, на языковом - в лексико-грамматическом аспекте. Рассмотрим особенности проявления указанной идеи.

Прежде всего, следует отметить амбивалентность в отношении объекта жалости: он может оцениваться субъектом положительно и мыслиться как объект, испытывающий страдания, или отрицательно - как объект, доставляющий неудовольствие. Двойственный характер отношения субъекта к объекту иллюстрируется, в частности, значениями глаголов жалити и жаловати. Указание на первый способ оценки объекта (его положительное восприятие) содержится в значениях «*скорбеть по кому-либо., печалиться о ком-л.*», «*заботиться*» - жалити, «*проявлять жалость, сострадание; жалеть, беречь // горевать, скорбеть по ком-л.*», «*благоприятствовать, оказывать милость, расположение*» - жаловати, общей для которых, на наш взгляд, является сема «*охранять от боли, страданий*».

Отрицательное отношение к объекту отражается в значениях «упрекать кого-л., выражать недовольство кому-л., роптать», «сетовать, жаловаться» - жалити и др. Кроме того, такое отношение могло получить речевое оформление посредством жалобы.

В.В. Колесов также замечает, что языковое обозначение личного действия в XI-XIII вв. связано по преимуществу с указанием на его причину [Колесов, 2005: 552]. Действительно, в значениях некоторых слов с корнем жал- содержатся каузативные элементы: «*жаловаться, негодовать по поводу чего-либо*» - жаловати, «упрекать кого-л., выражать недовольство кому-л., роптать» - жалити и др. Данные словарные дефиниции показывают, что объект жалости в древнерусский период мыслился как причина, определяющая конкретные действия или состояние субъекта: обращение с жалобой (при отрицательной оценке), пребывание в горестном состоянии (при положительной). При этом нахождение в указанном состоянии не исключает желаний добра объекту, напротив, доброжелательность в его отношении является одним из атрибутов ситуации жалости, определяя соответствующий признак.

Понятийная составляющая концепта «жалость» в древнерусский период развития языка определялась семантикой горя, печали, отражающей

близость состояний объекта и субъекта данной эмоции, и идеей «объектности», проявляющейся в таких признаках, как «амбивалентность оценки объекта», «выражение недовольства (при отрицательной оценке)», «доброжелательность (при положительной оценке)» и «личностный характер действий». В целом содержание изучаемого концепта характеризуется синкретичностью, диффузностью.

В последующий, старорусский период, с XIV по XVI вв., отмечается специализация содержания концепта-понятия «жалость» посредством выделения релевантных различительных признаков. Так, прослеживается актуализация признака, связанного с выражением недовольства. В связи с чем в указанный период пополняется ряд языковых единиц, в значении которых содержатся семы «упрек», «порицание», «обращение с жалобой» и другие смысловые компоненты, базирующиеся на отрицательной оценке объекта жалости: жалобити - «обращаться с жалобой».

Жаловати в XVI в. означает «оказывать внимание, милостиво относиться, благоволить к кому-л. // миловать, щадить», «одаривать чем-л.», «награждать; вознаграждать, жаловать чем-л.» [Словарь русского языка XI-XVII вв., 1978: 73]. Значения же «жаловаться...» и «проявлять жалость, сострадание; жалеть, беречь» утрачиваются, однако, как показывают наши наблюдения, сохраняются в семантике жалости.

Содержание понятия жалость в старорусский период формируется признаками, отражающими, с одной стороны, особенности психического переживания данной эмоции, с другой - ее социальный характер. К началу великорусского этапа развития языка оформились ключевые признаки, образующие содержание данного концепта-понятия: «горестное, печальное состояние», «направленность на объект», «амбивалентность оценки объекта», «выражение недовольства», «доброжелательность», «личностный характер действий», «желание помочь страдающему».

В XVII-XVIII вв. развитие понятийной части рассматриваемого концепта осуществлялось путем детализации, уточнения выработанных

основных признаков. И к концу XVIII в. жалость предстает как сформированное понятие. Определим особенности семантических преобразований, способствовавших оформлению представлений о данной эмоции в период XVII-XVIII вв.

Наметившееся смысловое обособление таких признаков, как «оказание внимания, милости» (шире - проявление жалости) и «обращение с жалобой» (выражение недовольства) в великорусский период усиливается, что приводит к изменению значений слов жаловати, жалоба и их производных и утрате связей с исконным корнем жал-.

Обособление группы слов, связанных с областью права (жалоба, жалобница, жалобщик и др.), происходит по функциональной характеристике - закрепление за сферой деловой письменности. Очевидно, что в целом наблюдается утрата связей с понятием жалости. Тем самым в рамках рассматриваемой группы слов содержание понятия жалость определяется признаками, отражающими особенности переживания данной эмоции (слова жалость, жалостный, жалостливый, жаль, жалеть, жалкий, жалко, жалостно). В осмыслении жалости акцентируется ее социальная составляющая, связанная с областью морали. Понятийные признаки, следовательно, получают соответствующую маркированность. В целом можно сказать, что признаки, отражающие горестное, печальное состояние, передаются сдержанно (жалость «сострадание, сожаление», жалкий «возбуждающий жалость, достойный сожаления», жаль «о чувстве сожаления, испытываемом кем-либо»). По-видимому, к факторам, определившим выражение значений указанного вида подобным образом, следует отнести, с одной стороны, дифференциацию эмоциональной сферы человека (разграничение переживаний жалости и печали), с другой - изменение способов категоризации соответствующего явления (от осмысления жалости как эмоционального состояния к ее представлению в ряду эмоциональных отношений).

Частным результатом категориальной переакцентуации, обозначенной во втором факторе, можно считать появление в понятии жалость признака процессуальности, привносимого значением имени концепта и отраженного, соответственно, в выражении «привести, прийти в жалость» [Словарь русского языка XVIII века, 1994: 94].

В современном русском языке лексико-семантическая парадигма концепта «жалость» в своей основной части включает следующие единицы: существительные жалость, сострадание, сочувствие, сожаление; глаголы жалеть, пожалеть; прилагательные жалкий, жалостный, жалостливый, безжалостный, отзывчивый, несчастный, беспомощный; наречия жалко, жалостно, безжалостно; слово категории состояния жаль.

В толковых словарях Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова, В.В. Лопатина содержание концепта «жалость» характеризуется высокой «плотностью» своего семантического состава, порождаемой, с одной стороны, наличием смысловых зон пересечения данного концепта с иными концептами эмоций, с другой, отражением таких видов данной эмоции, как жалость-сострадание, жалость-соболезнование, жалость-сожаление и жалость-огорчение.

Тем самым, в современном русском языке лексико-семантическая парадигма концепта «жалость» в своей основной части включает следующие единицы: существительные: *жалость, сострадание, сочувствие, сожаление*; глаголы: *жалеть, пожалеть*, прилагательные: *жалкий, жалостный, жалостливый, безжалостный, отзывчивый, несчастный, беспомощный*; наречия: *жалко, жалостно, безжалостно*, слово категории состояния: *жаль*.

Таким образом, динамика понятийной составляющей концепта «жалость» связана, прежде всего, с уточнением признаков, выработанных на предыдущих этапах развития русского языка. Специализация содержания жалости осуществляется посредством таких семантических преобразований, как указание на способ направленности на объект, снятие амбивалентной оценки объекта, дифференциация семантики жалости и печали, акцентирование семы «огорчение» в значении «горе, печаль», выделение

семь процессуальное, а также вынесение за рамки данного понятия признаков «оказывать внимание, милости» и «обращаться с жалобой». Кроме того, в указанный период оформляется способ категоризации жалости: она предстает как социально-этическое отношение.

Ассоциативные значения могут составить психологически реальное ядро национального концепта, его базовый слой. По мнению В. Е. Гольдина, ассоциативный материал раскрывает не только индивидуальные, но и нормативные образные компоненты концептуального содержания [Гольдин, 2006]. Статистика электронной версии Русского ассоциативного словаря Ю. Н. Караулова на запрос «жалость» следующая: всего реакций на стимул - 100, различных реакций на стимул - 67, одиночных реакций на стимул - 50, отказов - 6 [Караулов, 1998].

Реакции, представленные в электронной версии Русского ассоциативного словаря Ю. Н. Караулова на запрос «жалость» следующая, можно разделить на следующие смысловые группы:

- кто проявляет жалость: Красный Крест (5), Божье (3), Бог (2), сестра (2), благотворительность (1), больница (1), врач (1), его (1), женщина (1), мамы (1), мед. работник (1), наше (1), полковник (1), фонд (1), человек (1), человека (1), храм (1), церкви (1);

- к кому проявляется жалость: к людям (3), старушка (1), всем (1), к ближнему (1), к падшим (1);

- качества и свойства жалости и проявляющих его: доброта (5), добро (3), и здоровье (3), любовь (3), милосердие (2), крест (2), человечность (2), безграничное (1), взаимопомощь (1), гуманизм (1), женское (1), жизнь (1), здоровье (1), зов души (1), людское (1), норма жизни (1), от всего сердца (1), прекрасно (1), сердце (1), слабость (1), сострадание (1), спасет мир (1), хороший (1), хорошо (1), человеческое (1);

- действия: нужно (2), проявить (2), надо оказывать (1), начинается (1), необходимо (1), нет (1), популярно (1), просить (1), проявлять (1), сострадать (1);

- нереализованная помощь, сомнения в ее искренности: в прошлом (1), лицезерия (1), некролог (1), плакать (1), плач (1).

В сознании современного общества жалость осмысливается не только как явление, которое может быть проявлено одним, но и как необходимая потребность другого. Осмысление жалости показывает наличие у него определенных свойств и качеств и соотнесение его с конкретными действиями.

В Русском ассоциативном словаре В. Е. Гольдина слово-стимул жалость показало наличие следующих реакций: милосердие (5), простить (2), жалеть, помогать, простота, сочувствие (1); жалость - добро (1); милосердность - справедливость (1). Данное ассоциативное осмысление демонстрирует тесную связь изучаемого концепта «жалость» с милосердием, добротой (добро), стремлением прощать (простить), помогать (помогать, сочувствие), причем жалость, по мнению реципиентов, является чувством понятным (простота) и необходимым в жизни (справедливость).

Проведение ассоциативного эксперимента опирается на методику, предложенную А. А. Залевской [Залевская, 2001]. Свободный эксперимент предполагает наличие 3 реакций, которые возникают у информантов при первом восприятии слова-стимула. Такой метод эксперимента позволяет выявить наибольшее количество признаков концепта, а частота реакции демонстрирует актуальность/неактуальность в сознании реципиентов. В направленном ассоциативном эксперименте информантам предлагается отразить вербально цветовые и звуковые представления о жалости; указать связанные с ним эмоции и особенности данного явления; представить характеризующие его эпитеты, сравнения, метафоры и перифразы.

Для представления картины функционирования концепта «жалость» в современной жизни были проведены свободный и направленный ассоциативные эксперименты в двух группах: русские и китайские студенты.

Анализ данных, полученных в результате проведенного эксперимента среди русских студентов как носителей языка, отразил положительное

восприятие реципиентами концепта «жалость», при этом реакции достаточно разнообразны.

Результаты ассоциативного эксперимента представлены в Приложении Б. Самыми частотными являются реакции, связанные с философским осмыслением жалости, отражающие его связь с другими значимыми для русской ментальности концептами.

2.2.2. В китайском языке

В ряду тех знаков, которые оказались призваны историей для того, чтобы обозначить собой базовые категории китайской философии, иероглиф 仁 *жэнь* обладает, пожалуй, наибольшим этимологическим «коварством». Его демонстративная семантическая прозрачность обманчива. Обыденную точку зрения на этот вопрос демонстрирует, в частности, солидный современный этимологический словарь «Ханьцзы туцзе цзидянь»: «仁, идеограмма, произошла от графем «человек» (人) и «два» (二), означает взаимную близость (亲爱 *цинъай*) между человеком и человеком, одновременно «人» является фонетиком. Главное значение – «жалость к людям» (仁爱 *жэньай*)». С достаточно высокой долей уверенности можем утверждать: ни Конфуций, ни его ближайшие последователи, вместе с ним заложившие основы учения о 仁 *жэнь*, известным нам нынче знаком «仁» при этом не пользовались. Нынешняя форма этого знака является результатом достаточно сложных процессов эволюции китайской иероглифики, которые, в целом, завершились лишь с реформой иероглифики, предпринятой Цинь Ши-хуаном.

Классический китайский словарь «Шовэнь цзецзы», созданный Сюй Шэнем на рубеже I-II в. н.э., комментирует иероглиф «仁» следующим образом: «仁 *жэнь*, означает «близость» (親 *цинъ*). Произшёл от графем «человек» (人 *жэнь*) и «два» (二 *эр*). 𠂇 – древняя форма 仁 *жэнь*, произошла

от графем «тысяча» (千 *цян*) и «сердце» (心 *синь*), древняя форма 仁 *жэнь*, вероятно, произошла от графемы «сидящий человек» (尸 *ши*)».

Сведения «Шовэня» подтверждает сунский рифмовник «Гувэнь сышэн юнь», в первом томе которого содержатся 4 знака «仁», из которых два в форме «𠄎», один и один близкий к нему. Один знак «𠄎» содержит ссылку на древний экземпляр «Сяо цзина», остальные три – на более ранний рифмовник.

Таким образом, нам, наряду с «仁», сообщается ещё о двух формах знака *жэнь* и «𠄎». Форма «仁», по всей вероятности, является самой молодой из них. Более того, в доханьскую эпоху она встречается практически исключительно в источниках циньского происхождения. Так, на бамбуковых планках из Шуйхуди Лю Баоцзюнь обнаружил четыре случая употребления формы «仁». Это тексты «Восемнадцать разновидностей циньских статутов» (秦律十八種 *Цинь люй ши ба чжун*), «Ответы на вопросы о законах и статутах» (法律答問 *Фа люй да вэнь*) и «О пути становления чиновника» (為吏之道 *Вэй ли чжи дао*).

Как известно, погребение в Шуйхуди – достаточно позднее (обычная датировка – 217 г. до н.э.), и поэтому обнаруженные там примеры с формой «仁» фиксируют лишь заключительный этап эволюции знака. На это же указывает и сугубо циньское происхождение этой формы, которое подтверждается также древними печатями с её употреблением. Из шести найденных печатей, где она фигурирует, пять являются циньскими [37, с. 155]. Форма, которую Лю Баоцзюнь называет «цзиньской», более ранняя, но встречается также весьма эпизодически.

Именно этот знак фигурирует в вышеупомянутых циньских находках – один раз на бронзовом сосуде «Чжуншаньван дин» (ок. 314 г. до н.э), два раза на нефритовых «Книгах съездов из Хоума», а также на печатях.

В первом случае он имеет несомненное значение «человечность», в последних же двух категориях памятников, как мы полагаем, представляет собой разнопись знака 尸 *ши* либо какого-то иного знака с этим ключом.

Решающее значение в разрешении вопроса об этимологии могут сыграть годинские тексты, которые датируются серединой 4 в. – началом 3 в. до н.э. В годинском корпусе имеются конфуцианские тексты школы Цзысы, в т.ч. вошедшие впоследствии в «Ли цзи», и поэтому знак 仁 *жэнь* встречается в нём достаточно часто – в общей сложности, 67 раз.

Однако из этого числа – ни одного раза в формах или «仁». Более всего – 55 раз – имеет место написание со знаком 身 *шэнь* «тело» вверху и знаком 心 *синь* «сердце» внизу (в дальнейшем – «上身下心»), и по 6 раз – зафиксированная в «Шовэне» форма «忝» и написание со знаком 人 *жэнь* «человек» вверху и знаком 心 *синь* «сердце» внизу (в дальнейшем – «上人下心»). Помимо этого, формы «上身下心» и «忝» встречаются в имеющемся в Шанхайском музее собрании чуских табличек эпохи Чжаньго.

Таким образом, имеется пять форм написания иероглифа «仁»: «上身下心», «忝», «上人下心»), «仁». Между первой, второй и третьей формами, с одной стороны, и четвёртой и пятой формами, с другой стороны, просматривается явная палеографическая связь, дифференцирующая два варианта написания иероглифа. Возникает вопрос о соотношении двух этих вариантов.

При этом нельзя не отметить, что всё же формы первого варианта написания (условно назовём его «上什么下心») фиксируются хронологически более ранними источниками. Они несут в себе:

1) очень сходные по написанию письмом *чжуаньшу* смысловые (либо фонетические) графемы «身», «千» и «人»,

2) ключ 心 «сердце».

Предшественником первой позиции, по-видимому, следует считать цинского комментатора «Шовэня» Ван Юня, который в своём комментарии писал о том, что «происхождение знака «𠂇» от знаков «тысяча» (千) и «сердце» (心) должно означать происхождение от знаков «человек» (人) и «сердце» (心). В качестве аналогии, иероглиф «год» (年) на бронзовых колоколах и треножниках часто встречается с графемой «человек» (人) и редко – с графемой «тысяча» (千).

У истоков второй позиции стоит другой известный комментатор «Шовэня», цинский учёный Дуань Юйцай (1735-1815), который в своём комментарии назвал «千» фонетиком древней формы «𠂇». Остальные две древние формы были, по-видимому, ни Ван Юню, ни Дуань Юйцаю не были известны.

Скорее всего, и та и другая точки зрения не лишены доли истинности, но именно первую точку зрения, усматривающую в «仁» «человеческий» смысл на наш взгляд, следует признать более истинной.

Изучение проблемы восприятия концепта «жалость» в ментальности китайского народа проведем при помощи изучения понятия «душа» с целью выявления некоторых особенностей национальной картины мира. Сопоставление словарных дефиниций позволяет утверждать, что в русском языке переносное значение лексемы сердце значительно богаче и шире, чем его прямое значение. В первую очередь сердце мыслится как источник разнообразных эмоций и чувств человека. Если в основу русского языка положен языковой знак, который обладает высокой степенью абстракции, линейностью, произвольностью по отношению к обозначаемому, а письменный знак не имеет зрительной природы и передаёт лишь смысл, то анализируется слово, записанное с помощью букв, и ему даётся толкование. В китайском же языке основной единицей толкования был иероглиф, поэтому он стал основным предметом исследования в китайской традиционной филологии.

Иероглифу свойственны нелинейность, целостность, семантическая автономность. В нём содержится связь между обозначающим и обозначаемым. В основе иероглифа лежит образ или понятие, которое передаётся самим иероглифом, а не словом. Китайское слово 心 имеет древнейшую фиксацию ещё в пиктографическом изображении. В представлениях о сердце в китайской языковой картине мира оказывается оппозиция сердце-разум в русском языке, в китайском происходит слияние этих понятий. Китайцы представляют себе сердце одновременно и как мыслящий, и как чувствующий орган. Это находит своё подтверждение в наличии большого числа дериватов, содержащих в своём составе детерминатив 心. Производные слова подобного образования объединены общим значением мысли, идеи. Ведь в китайском языке 心 - мерило нравственности и этической оценки человека.

Ниже приведена экспликативная модель выражения жалости китайского народа:

«Мне жаль, на это у меня не хватит сил» — 很抱歉, 这事我做不了(办不倒),

«Сколько бы ни старалась, не могу вам помочь», «Очень жаль» — 真可惜。

«Не стоит так сильно переживать, смотрите за собой»
别太伤心了, 一切都会好起来 (过去) 的

«Я очень за вас переживаю» — 我很为你难过 (伤心, 着急, 担心)

«Чем я могу вам помочь?» — 我能帮您什么忙吗?,

«Какая потеря!» — 真糟糕!

«Какое несчастье!» — 真是太不幸了!

«Не принимай близко к сердцу» — 人总会碰到一些不顺心的事, 你不要太放在心上 (要想开点儿)

«Не беспокойтесь, всё встанет на свои места» — 您别发愁了，
船到桥头自然直

«Сожалею!» — 我很同情你!

«Кто после трех шагов начал жалеть, что пошел в гору, тот не
поднимется и на маленький холм». -

谁之后三个步骤开始感到遗憾的是，去了上山时，他不会上升，在一个小山
丘

«У тех, кто способен краснеть, не может быть чёрного сердца» -
那些能够脸红，不可能是一个黑色的心脏

«Иметь деньги, да не помогать другим, всё равно что войти в пещеру с
драгоценностями, а вернуться с пустыми руками» -
有钱并不帮助别人是一样进入一个洞穴里的宝石和返回两手空空

«Будешь три года совершать добродетельные поступки - мало кто
будет знать об этом; однажды совершишь дурной - узнает вся Поднебесная» -
你就是三年来执行的良性行为很少人会知道关于它；有一天你会做一个糟糕-
全中国将知道

«Бьёт - жалеет, ругает - любит, рассердится - топчет ногами» -跳动-
感到遗憾的是，诅咒样，愤怒-践踏脚.

Таким образом, между пятью формами иероглифа «仁» имеет место
палеографическую связь, выразившаяся:

1) в эволюции графемы «身» («тело») в «千» («тысяча») и в «人»
(«человек»),

2) в эволюции графемы «心» («сердце») вначале в упрощённый вариант
из двух черт «=», а затем в графему «二» («два»).

Форма «仁» же является наиболее поздней и наиболее упрощённой
стадией эволюции знака жэнь. Стоит заметить, что иероглиф 身 шэнь из 13
случаев употребления в «Лунь юе» как минимум в 10 случаях встречается в

значении «личность». 身 *шэнь* в «Лунь юе» – некая индивидуальная суть человека, она различается у разных людей, всегда принадлежит кому-то конкретному (其 *ци* «его» или 吾 *у* «моя»). Она – то, над чем рефлексиируют трижды в день, то, что полностью отдают, служа государю, то, что содержат в правде, в чистоте и непорочности. В этом случае сам иероглиф указывает на то, что 仁 *жэнь*, или «человечность» есть проживание того, что другая личность, образно выражаясь, «оказывается в твоём сердце».

Материалы, полученные в результате проведенного эксперимента среди китайских студентов представлены в Приложении Б.

При анализе перифраз было установлено, что «жалость» осмысливается китайскими студентами как явление общечеловеческое, необходимое в рамках религии о чем свидетельствуют реакции: единение с миром (3), внутренний мир (2), добрый поступок (2), добрая душа (1).

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Анализ позволил установить лексико-семантические особенности концепта «жалость» в русском и китайском языках на основе различных лексикографических источников, выявить сходства и различия в семантике в таких разносистемных, разноструктурных и разнотипных языках, как русский и китайский. Выявлено общее и национально-специфическое.

Разительные расхождения наблюдаются в словообразовании слова «жалость», причём в русском языке обнаруживаются самые разнообразные способы словопроизводства. Китайский язык имеет совершенно иную специфику, поскольку пользуется иероглифами, которыми обозначаются не слова, а выражаются понятия, образ. В нём широко представлено словосложение (корнесложение), используются ключи, графемы, соединение графем и такое словообразовательное средство, как полусуффикс, находящееся на границе между знаменательным словом и суффиксом.

2. Итак, на материале исторических словарей русского языка можно наблюдать формирование понятийного ядра концепта «жалость» в русской языковой картине мира. Развитие данного понятия может быть охарактеризовано как движение от диффузности и синкретичности к конкретизации и определенности. Если проследить по отдельным периодам, то в XI-XIII вв. закладывается объем понятия (состояние горя, печали, вызванное неудовольствием от страданий другого), в XIV-XVI вв. вырабатываются существенные признаки содержания понятия (в отличие от других эмоций, жалость предполагает разделение страданий другого, сопричастность к ним). В XVII-XVIII вв. оформляется идея жалости как понятие о нравственном переживании.

3. К концу XVIII в. понятийная составляющая концепта «жалость» предстает в завершенном виде в русском языке, которое существует и по настоящее время, и включает следующие признаки: «положительная оценка

объекта», «участие в его страданиях, их разделение», «желание помочь страдающему», «огорчение».

4. Концепт «жалость» в китайском языке выражает феномен экзистенциального характера, состоящий в особой априорной экстравертности значительного масштаба и силы, имеющей следствие в виде глубокой эмпатии по отношению к окружающим людям. По-русски это может быть передано в первую очередь как *чуткость* и *внимательность* к людям, как их феноменологическая *близость*, как *участие* в них. 仁 *жэнь* подразумевает глубокое *понимание* мотивов и чувств другого человека. Феномен жалости следует отличать от этико-психологических характеристик, например, от *доброты*. Данные выводы подтверждаются не только текстами памятников древнекитайской философии, но и первой известной формой написания иероглифа 仁 *жэнь* («上身下心»).

5. Исследование концепта «жалость» в китайском языке позволяет системно объяснить как генезис этики Конфуция, так и тенденции её дальнейшего развития в философии конфуцианства. Можно утверждать, что она является ключом к пониманию этики всего раннего конфуцианства. Так понимаемая «жалость» была тем даром, которым обладал сам Конфуций и который, став предметом его саморефлексии, оказался зафиксирован основоположником китайской философии в категории 仁 *жэнь*.

6. Ассоциативные эксперименты позволили уточнить современные представления о концепте «жалость» в сознании носителей русского и китайского языка и выделить свойственные этому концепту признаки, связанные с его понятийным, образным и эмоционально-оценочным «слоями». Обнаружена несомненная связь между концептом «жалость» и другими значимыми концептами в русской и китайской языковой картине мира: милосердие, доброта, сочувствие, благотворительность; определены основные свойства милосердия: безграничность, безвозмездность.

Такие качества, как доброта, нежность, женственность и безопасность, возникающие при звуковом восприятии слова-номинанта концепта «жалость», соответствуют тем образам, с помощью которых оно передается зрительно. Предполагается, что одно из значений жалости - это конкретное действие, ограниченное во времени и пространстве, это «единичный поступок», поэтому краткость, непродолжительность также соотносятся с изучаемым концептом.

Таким образом, данные фоносемантического анализа и ассоциативных экспериментов позволили уточнить два основных плана понимания жалости: доброта, любовь, сочувствие, милосердие - ассоциируются в русском языковом сознании с духовным прощением, пониманием, сожалением; в китайском языковом сознании жалость ассоциируется с понятием 仁 *жэнь*, для которого характерна основа конфуцианства, социально-нравственная сторона жизни общества, а именно с участием в благотворительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Изучая понятие «концепт», следует учитывать специфику и особенности его использования в жизнедеятельности человека, в которой интересует не только чувственно-мыслительное осознание концепта индивидом, но и формирование данного феномена под влиянием культурных и общественных процессов в социуме.

2. Концепт – неоднородное образование со сложной структурой, которая выражается различными группами признаков, реализуемых разными языковыми средствами и способами.

3. Анализ позволил установить лексико-семантические особенности концепта «жалость» в русском и китайском языках на основе различных лексикографических источников, выявить сходства и различия в семантике в таких разносистемных, разноструктурных и разнотипных языках, как русский и китайский. Выявлено общее и национально-специфическое.

4. Разительные расхождения наблюдаются в словообразовании слова «жалость», причём в русском языке обнаруживаются самые разнообразные способы словопроизводства. Китайский язык имеет совершенно иную специфику, поскольку пользуется иероглифами, которыми обозначаются не слова, а выражаются понятия, образ. В нём широко представлено словосложение (корнесложение), используются ключи, графемы, соединение графем и такое словообразовательное средство, как полусуффикс, находящееся на границе между знаменательным словом и суффиксом.

5. К концу XVIII в. понятийная составляющая концепта «жалость» предстает в завершённом виде в русском языке, которое существует и по настоящее время, и включает следующие признаки: «положительная оценка объекта», «участие в его страданиях, их разделение», «желание помочь страдающему», «огорчение».

6. Концепт «жалость» в китайском языке выражает феномен экзистенциального характера, состоящий в особой априорной

экстравертности значительного масштаба и силы, имеющей следствие в виде глубокой эмпатии по отношению к окружающим людям. По-русски это может быть передано в первую очередь как *чуткость* и *внимательность* к людям, как их феноменологическая *близость*, как *участие* в них. 仁 *жэнь* подразумевает глубокое *понимание* мотивов и чувств другого человека. Феномен жалости следует отличать от этико-психологических характеристик, например, от *доброты*. Данные выводы подтверждаются не только текстами памятников древнекитайской философии, но и первой известной формой написания иероглифа 仁 *жэнь* («上身下心»).

7. Исследование концепта «жалость» в китайском языке позволяет системно объяснить как генезис этики Конфуция, так и тенденции её дальнейшего развития в философии конфуцианства. Можно утверждать, что она является ключом к пониманию этики всего раннего конфуцианства. Так понимаемая «жалость» была тем даром, которым обладал сам Конфуций и который, став предметом его саморефлексии, оказался зафиксирован основоположником китайской философии в категории 仁 *жэнь*.

8. Ассоциативные эксперименты позволили уточнить современные представления о концепте «жалость» в сознании носителей русского и китайского языка и выделить свойственные этому концепту признаки, связанные с его понятийным, образным и эмоционально-оценочным «слоями». Обнаружена несомненная связь между концептом «жалость» и другими значимыми концептами в русской и китайской языковой картине мира: милосердие, доброта, сочувствие, благотворительность; определены основные свойства милосердия: безграничность, безвозмездность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М.: Русские словари, 1999.
2. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы когнитивной лингвистики. Научная монография. Нитра: УКФ, 2011. 216 с.
3. Апресян, Ю.Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. «Языки русской культуры». Избранные труды/ Ю.Д. Апресян. М.: Школа, 1995. Т.Н. 766с.
4. Бийгелдиева К. А. Применение выражений формулы сочувствия и сожаления в кыргызском и китайском языках // Молодой ученый. 2016. №20.1. С. 20–22. URL <https://moluch.ru/archive/124/26958/> (дата обращения: 08.06.2018).
5. Болотнова Н.С. Лексическая структура художественного текста в ассоциативном аспекте. Томск, 1994.
6. Большой словарь Синьхуа / ред. кол.«Большой словарь Синьхуа». Испр. зд. Пекин: Коммерч. изд-во, 2011. 1200с. (на китай. яз.)新华大字典/《新华大字典》编委会编.-修订本。 —北京:商务印书馆国际有限公司, 2011年8月, 1200页。
7. Большой толковый словарь русского языка./ Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
8. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелева. - М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
9. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: «Гнозис», 2007. 284 с.
10. Гольдин В. Е. Нормативный аспект лексических ассоциаций // Русский язык сегодня. Проблемы языковой нормы: сб. статей. М.: Изд-во ИНИОН РАН, 2006. С. 128–137.

11. Гэ Жунцзинь. Чжунго чжэсюэ фанчоу тунлунь (Введение в исследование категорий китайской философии). – Пекин: Шоуду шифань дасюэ, 2001. 820 с.
12. Дебрэнн М. Исследование ассоциативных норм французского языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. Т. 6. Вып. 2. С. 78–83.
13. Дебрэнн М. Французский ассоциативный словарь как отражение языкового сознания современных французов // Вестник НГУ. Серия: Психология. 2010. Т. 4. Вып. 1. С. 64–68.
14. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : пер. с лат. и фр. М., 1989
15. Дженкова Е. А. Концепты «стыд» и «вина» в русской и немецкой лингвокультурах: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 237 с.
16. Залевская А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 36–44.
17. Залевская А.А. Концепт как достояние индивида // Психолингвистические исследования слова и текста: Сб. научн. ст. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 5–18.
18. Зусман В.Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация: Учеб. пособие . Н. Новгород: Деком, С. 38–53.
19. Карапетьянц А.М. Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий // Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. С. 11–35.
20. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. М: Гнозис, 2004. 390 с.
21. Карасик В.И. Языковой круг: личность. Концепты, дискурс. М., 2004.

22. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 75–80.
23. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 289.
24. Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс]. М.: Помовский и партнеры, 1994-1998. Кн. 1-6. (дата обращения: 11.06.2018).
25. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
26. Караулов Ю.Н., Коробова М.М. Языковая способность в зеркале ассоциативного поля: лонгитюд, экспедиция и интерпретация // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1993. Т. 52. № 2. С. 16–31.
27. Клименко А.П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск, 1974.
28. Кобзев А.И. Жэнь // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М.: Восточная литература, 2006. С. 262-264.
29. Кобзев А.И. Жэнь // Китайская философия: Энциклопедический словарь. М.: Мысль, 1994. 573 с. С. 127–128.
30. Кобзева А.И. В пути за Китайскую стену. К 60-летию /А.И. Кобзева. М.: ФГБУН ИВ РАН, 2014. С. 176–195.
31. Колесов В.В. История русского языка: учеб. пособие. СПб., М.: Филолог, 2005. 669 с.
32. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб., 2004.
33. Кондрашова О. В. Семантика поэтического слова (функционально-типологический аспект): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1998. 44 с.
34. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М., 2008. С. 55.
35. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., 2003. 268 с.

36. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.
37. Крюков В.М. Текст и ритуал: Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 464 с.
38. Кубрякова Е.С. Языковое сознание и языковая картина мира// Филология и культуры. Мат-лы междунар.конф. Тамбов, 1999. С. 6–13.
39. Левонтина И.А. Жалости и Милости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://trv-science.ru/> (дата обращения: 02.06.2018).
40. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность , 1997. С. 280–287.
41. Льюис К. С. Любовь. Страдание. Надежда: притчи, трактаты: пер. с англ. М., 1992.
42. Малявин В.В. Конфуций. М.: Молодая гвардия, 2010. 357 с.
43. Мартынов А.С. Конфуцианство: этапы развития. Конфуций. «Лунь юй». СПб., «Азбука-классика», «Петербургское востоковедение», 2006. 352 с.
44. Мед Н.Г. Ассоциативные стандарты в испанской и русской оценочной картине мира (на материале лексики и фразеологии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 9. Вып. 3. В 2-х ч. Ч. II. С. 201–207.
45. Мельникова В. С. Эмоциональный концепт «жалость» в русской языковой картине мира: от словаря к тексту: автореф. Ижевск, 2011.
46. Мыркин В.Я. Понятие концепт; текст и дискурс; языковая картина мира и речевая картина мира // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: Материалы Международной научной конференции. Архангельск: Поморский государственный университет, С. 46–47.
47. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: Издательство «Азъ», 1992.

48. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 12-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1978. 846 с.
49. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. М., 1964. 1200 с.
50. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976.
51. Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского. 2-е изд. Т.2. М.: ЛКИ, 2010. 568 с. Двухтомник 1256 с.
52. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. М.: Флинта: Наука, 2008. 176 с.
53. Рудакова А. В. О возможностях создания психолингвистических словарей русского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 10 (52): в 2-х чч. Ч. II. С. 138–141.
54. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1990. 511 с.
55. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5 / АН СССР, Ин-т рус. яз. М.: Наука, 1978. 392 с.
56. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7 / РАН, Ин-т рус. яз. Спб.: «Наука» С.-Петербургское отделение, 1992. 263 с.
57. Соколов А.Н. Память // Психология / под ред. А.А. Смирнова и др. М., 1956.
58. Соловьев, В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Оправдание добра. Нравственная философия. М., 1990. С. 156.
59. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. / Ю.С. Степанов. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
60. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 58–65.
61. Толстая С.М. Желать и жалеть: этимология и семантика // Славянское и балтийское языкознание. Палеославистика: слово и текст. М.: Изд-во Российской академии наук, 2012. С. 268–279.

62. Тхорик В. И., Фанян Н. Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М: Гис, 2006. 260 с.

63. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т.3 Муза - Сят: Ок.5500 слов; Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. - 4-е изд. - М.: Астрель; АСТ, 2004. 830 с.

64. Этика: энциклопедический слов. / Институт философии РАН; под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. М., 2001. С. 452.

65. Юм Д. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1965.

66. Юркевич А.Г. Шу цзин // Китайская философия: Энциклопедический словарь. М.: Мысль, 1994. С.503–505.

ПРИЛОЖЕНИЕ А: Дефиниции (по словарям)

В русском языке:

Семы, отражающие состояние печали, скорби, присутствуют в дефиниции «жалость»: *жалостно* - «горестно» [Колесов, 2005: 232], *жалити* - «сетовать, скорбеть» [Колесов, 2005: 212], *жалитися* - «сожалеть, печалиться, горевать», *жалованье* - «печаль, скорбь // поминовение усопшего, соблюдение траура, поста (в течение 40 дней)» [Словарь русского языка XI-XVII вв., 1990:72], *жалоба* - «горе, сожаление», *жальба* - «неприязнь, негодование» [Кобзев, 2006:262].

Тем самым, в современном русском языке лексико-семантическая парадигма концепта «жалость» в своей основной части включает следующие единицы: существительные: *жалость, сострадание, сочувствие, сожаление*; глаголы: *жалеть, пожалеть*, прилагательные: *жалкий, жалостный, жалостливый, безжалостный, отзывчивый, несчастный, беспомощный*; наречия: *жалко, жалостно, безжалостно*, слово категории состояния: *жаль*.

В китайском языке:

В китайском языке, в словаре, синонимами концепта являются:

Сострадание - 同情心.

Сочувствие, симпатия - 同情.

Трогательный - 温柔的.

Чуткость - 灵敏度.

В записи китайских иероглифов прослеживаются похожие тенденции слова сострадание присутствует обозначение 心 - сердце и душа 灵魂.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б: Результаты ассоциативного эксперимента

Русские студенты:

Можно выделить несколько аспектов, особо значимых для восприятия изучаемого концепта: доброта (29), милосердие (27), сочувствие (10), помощь (10). Другие ответы очень разнообразны, что говорит о многоплановом понимании изучаемого концепта: сострадание (5), любовь (5), забота (5), снисхождение (2), милость (2), уважение (2), понимание (2), великодушие (1), отзывчивость (1), сердечность (1), честь (1), мудрость (1).

Концепт «жалость» представляется опрашиваемыми в виде яркой палитры красок: белый (12), красный (8), голубой (4), желтый (4), синий (3), зеленый (2), что подтверждает разноплановое осмысление концепта. Все названные студентами звуковые ассоциации можно разделить на 2 группы: звуки природы (10) (пение птиц, шелест ветра), звуки музыки (25) (инструментальная музыка, классическая музыка, звук органа, колыбельная), причем и в том, и в другом случаях это звуки, вызывающие умиротворение, спокойствие.

Образы, с которыми ассоциируется концепт «жалость», очень разнообразны: Приют (3), Мать Тереза (3), монахиня (2), старики (2), нищий(2), пожилая женщина (2), ребенок (3), сирота (1). Они свидетельствуют о том, что милосердие соотносимо с людьми разного пола и возраста, разных сфер деятельности во все времена.

Сочетания, приведенные студентами (творить добро (7), делать из жалости (5), оказывать помощь (2), проявлять милосердие (2), свидетельствуют о сочувственной, осознанной, благородной трактовке концепта в сознании русских студентов.

Китайские студенты:

Материалы, полученные в результате проведенного эксперимента среди китайских студентов, демонстрируют одобрительное осмысление изучаемого концепта реципиентами. Так, наиболее частотны следующие

реакции: гуманность (6), человечность (5), человеколюбие (5), благотворительность (5), доброта (6), Конфуций (4).

Остальные реакции весьма разнообразны: поддержка (1), понимание (1), святость (1), чувствительность (1), сочувствие (1), тепло (1), нравственность (1), самоотверженность (1), отзывчивость (1), добродетель (1).

Цветовые представления о концепте «жалость» связаны со светлыми, нежными оттенками, поэтому в ответах преобладают реакции: белый (9), небесно-голубой (4), розоватый (4), светло-голубой (2), прозрачно-синий (2), светло-желтый (1). Такие цвета символизируют восприятие жалости как нежного и светлого чувства. Эти же свойства милосердия отмечаются и в звуковой характеристике.

Так, реципиентами были предложены следующие реакции: чистый звук любого инструмента (6), детский смех (6), молитва (6), колыбельная (1), звуки скрипки (1), звуки арфы (1).

Образные ассоциации связаны у студентов в основном с представлениями о монахах: с одной стороны, монахиня (6), молодая девушка (5), душа и сердце (3), духовность (1), горе (1), женщина с добрыми глазами (1), с другой стороны, младенец (4), ребенок (3), дитя (2).

Разнообразными явились эпитеты, которые предложили реципиенты: безграничная жалость (3), всепоглощающее чувство (3), светлое (3), бескорыстная помощь (3), искреннее (2). Остальные реакции единичны, но все они связаны с глубоко положительным восприятием исследуемого концепта в сознании опрашиваемых: ласковое (1), чувственное (1), отзывчивое (1), красивое (1), необходимое (1), настоящее (1), весеннее (1), чистое (1), гуманное (1), радостное (1), вечное (1), душевное (1), исцеляющее (1), святое (1).

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра русского языка как иностранного
45.03.02 Лингвистика

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ
КОНЦЕПТА «ЖАЛОСТЬ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ**
(на материале ассоциативного исследования)

Выпускник

Фэн Вэньцзе

Научный руководитель

к.филол.н, доц. кафедры РКИ
Е.В. Беляева

Нормоконтролёр

В.С. Срмикян

Красноярск 2019